

рантируют человека, обещаются кормить, поить его, работу ему доставить и за это требуют с него только самую капельку его личной свободы для общего блага, самую капельку. Нет, не хочет жить человек и на этих расчетах, ему и капелька тяжела. Ему все кажется (...), что это *острог...*” [1, т. 5, с. 81] (Курсив наш. – В.Н.).

Мысль эта высказана двумя годами позже публикации “Записок из Мертвого дома”. Однако впервые в своей основе и теми же словами она сформулирована как раз в тюремных “очерках” писателя: “Иные думают (...), что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, так и дело с концом. Это (...) заблуждение. Всякий, кто бы он ни был и как бы ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству” [1, т. 4, с. 91].

Арестантам сибирского острога были, мы помним, гарантированы и пища, и одежда, и сам “коллективный” труд. Но – ценою их личностей. Это обстоятельство и позволило Достоевскому интерпретировать системно “усовершенствованную” ее плац-майором Омскую каторгу как *воплощение социалистической утопии*. Что, подчеркнем, соответствовало потенциальным тенденциям обеих. В самом деле: если обезличенная каторжная тюрьма даже внешне сбивалась на фурьеристский фаланстер, то и подобные последнему социалистические “коммуны” в реальности оказались бараками “трудовых армий” (Л. Троцкий) или концлагерями ГУЛАГа.

Итак, воссозданный Достоевским на материале его тюремных впечатлений Мертвый дом – далеко не только метафора одного или многих сибирских каторжных острогов прошлого века. Прежде всего это образ противоестественного социального устройства вроде города-казармы Непреклонска из “Истории одного города” М.Е. Салтыкова-Щедрина, Единого Государства (“Мы”) Е.И. Замятина, Чевенгурского “коммунизма” (“Чевенгур”) А. Платонова, Скотного двора из одноименного романа Дж. Оруэлла, – но значительно упредивший их во времени. В качестве литературного предшественника таких лжеспасителей человечества, как систематик Шигалев (“Бесы”), католический Великий инквизитор (“Братья Карамазовы”) Достоевского или щедринский “фанатический нивеллятор” Угрюм-Бурчеев, замятинский Благодетель и т.п., должен рассматриваться и плац-майор “Записок из Мертвого дома” [6].

Одухотворив пестрые эмпирические реалии Омской каторги идеей защиты живой жизни и

“...не относительного, но абсолютного достоинства человеческой личности, – каждого данного индивидуума, который никогда и ни для чего не может быть только средством” [7, с. 99], Достоевский воплотил самобытную концепцию “Записок...” в столь же новаторской форме. Композиционное единство произведения определено “сквозными” образами плац-майора, Акима Акимыча и противостоящего им рассказчика. Содержательное – тем *христианским* углом зрения на поставленные проблемы, который побудил Л. Толстого отнестись “Записки из Мертвого дома” к образцам “высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему, религиозного искусства” [8, т. 30, с. 160]. Жанр – антирационалистическим пафосом, не позволяющим ограничить “Записки...” рамками не только очерков, но и документального или социально-философского романов. Перед нами, думается, первая в русской прозе XIX в. литературно-философская антиутопия. И прежде всего антиутопия социалистическая.

«Двадцатый век, – говорит Л.С. Айзерман в своей статье “Русская классика накануне XXI века...”, – показал, что утопия осуществима, но при воплощении ее в реальность она обязательно превращается в антиутопию» [9, с. 98]. Анализ “Записок из Мертвого дома” дает, думается, все основания утверждать: Достоевским эта истина была пророчески угадана по меньшей мере на полстолетия раньше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990.
2. Из “Записок” М.Н. Волконской // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988.
3. Лунин М.С. Письма из Сибири. Литературные памятники. М., 1988.
4. Кампанелла. Город Солнца // Утопический роман XVI–XVII веков. М., 1971.
5. Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 1958.
6. Щедрин (М.Е. Салтыков). Избр. соч. В 7 т. Т. II, М., 1939.
7. Розанов В.В. О легенде “Великий инквизитор” // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991.
8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейное изд. Т. 1–90. М.; Л., 1928–1958.
9. Айзерман Л.С. Русская классика накануне XXI века: утопии и антиутопии в снах героев русской литературы // Литература в школе, 1996, № 6.